

Социальный статус молодого Бродского

Вспоминая экспедиции – изнурительный труд, грязь, «чудовищное количество комаров», Бродский говорил о тогдашнем себе: «Это тот возраст, когда все вбирается и абсорбируется с большой жадностью и с большой интенсивностью. И абсолютно на все, что с тобой происходит, зриаешь с невероятным интересом...»⁸⁶ Его товарищ по якутской экспедиции, геолог Эдуард Блумштейн вспоминает: «Иосиф был вполне свой человек в полевых условиях, то есть он понимал, в чем состоят его обязанности как коллектора или помощника геолога. Он с уважением относился к нашему ремеслу. Он таскал рюкзак, часто тяжелый, его не тяготили бесконечные маршруты, хотя бывало рискованно и трудно.

Марамзиным в 1972–1974 гг.; основной источник последующих публикаций произведений Бродского до 1972 г. Далее – МС .

84 МС. Т. 1. С. 3.

85 Цитируется по ксерокопии, переданной Э. Ларионовой в Гуверовский институт. Купюры в квадратных скобках.

86 Волков 1998. С. 29.

Большие реки в тайге надо было часто переходить вброд или сплавиться на лодках. Но была неслыханная рыбалка всегда и охота, обычно голодно не было. Хотя бывали периоды, когда по целым неделям приходилось есть одну тушёнку. Холодно бывало часто»⁸⁷. И позднее, в ссылке, физическая работа – выворачивание валунов в поле, трелевка леса и прочее – не только не угнетала его, но была самой отрадной стороной тамошнего существования. Воспоминания о жизни в северной деревне характерно контрастируют с угрюмой картиной начала рабочего дня в процитированных выше «Рубаи»: «Когда я там вставал с рассветом и рано утром, часов в шесть, шел за нарядом в правление, то понимал, что в этот же самый час по всей, что называется, великой земле русской происходит то же самое: народ идет на работу. И я по праву ощущал свою принадлежность к этому народу. И это было колоссальное ощущение!»⁸⁸ Бродский был единственным крупным русским поэтом двадцатого века, кто начал свой трудовой путь как простой рабочий.

Парадоксальная сторона его конфликта с советской властью состояла в том, что власть предъявила ему стандартные обвинения богеме – в тунеядстве, в нежелании потрудиться на производстве, «повариться в рабочем котле» (была такая адская метафора в риторике официоза), хотя ему-то как раз пришлось поработать простым рабочим и даже, вероятно, в котле – в нефигуративном смысле. В неоконченном отрывке начала шестидесятых годов на это указывает весьма детальное описание отопительных котлов изнутри в неоконченном стихотворении (1963?):

В. Г. Петров, молодцеватый, лысый,
был старший инженер в Котлонадзоре.
Я подвизался [?] в этой же конторе
и состоял при В. Петрове крысой.

Мы объезжали на трамвае все
котельные – по собственной охоте.
Я забывал в субботу о субботе.
Я зрел котлы в их внутренней красе...

И был я узкоплеч, большеголов
(со всем, что было в черепной коробке),
и при таком сложении, нет слов,
(важнейший комплекс вынося за скобки),
я был большой находкой для котлов
и залезал и в зольники, и в топки⁸⁹.

На суде в 1964 году Бродского обвиняли в том, что он нигде не оставался подолгу, часто менял работы (за восемь лет, с 1956 по 1963 год, он переменял тринадцать мест работы, где в общей сложности числился 2 года 8 месяцев)⁹⁰. Это обвинение было не юридическое, а идеологическое. Следуя букве советского закона, ничего преступного в частой смене мест работы не было. Конечно, текучесть рабочей силы была неудобна для производства. «Летуны», постоянно переходившие от одного работодателя к другому, осуждались в печати.

87 Интервью, данное Валентиной Полухиной в июне-июле 2004 г. Я благодарю В. П. Полухину за разрешение цитировать еще неопубликованное интервью.

88 Волков 1998 С. 85.

89 РНБ. Ед. хр. 63. Л. 63. О сходной работе Бродского вспоминает Д. В. Бобышев – «в монтажной бригаде на Балтийском заводе. Ему нужно было лазать в трубы, проверять их после сварки» (Бобышев 2002. С. 79).

90 Освобождение 2000. С. 68.

В обвинениях молодому поэту был и такой оттенок: за несколько недель или месяцев невозможно вжиться в рабочий коллектив, проникнуться мировоззрением рабочего класса, чтобы этот опыт потом нашел правильное выражение в творчестве. Была даже негласная норма – «год-другой поработать на производстве». Эта норма не учитывала повышенной восприимчивости художественного сознания – одаренный человек тем и отличается от прочих, что обладает обостренной интуицией. На новом месте глаз художника значительно быстрее отметит характерные детали новой для него жизни, художник куда быстрее почувствует стиль поведения, подоплеку отношений между людьми, чем человек, лишенный художественного дарования. Но на самом деле обвинители Бродского подразумевали другое: его вина была не в том, что он мало работал, часто менял место работы или не вникал в жизнь трудящегося народа, а в том, что он нарушил ритуал инициации советского молодого человека. Если молодой человек начинал взрослую жизнь не в армии и не в вузе, а на производстве, предполагалось, что трудовой опыт сделает его на всю остальную жизнь верным и полным энтузиазма строителем коммунизма. Сотни начинающих советских писателей приняли участие в этом обряде и сочинили соответствующие стихи. К примеру, юноша приходит на завод, старшие рабочие предлагают ему сделать ключ.

– Делай! —
напильник запел несмело.
– Делай! —
металл угловат,
колюч.
Рождается в муках
великое дело,
Первое
твое испытание —
ключ!
Ты слышишь:
– Парень в делах не робкий! —
Ты видишь —
ключ твой,
на завитке,
Шлифованным стеблем,
резной бородкой
Сияет у мастера на руке.

После этого указывается на символическое значение трудового акта:

Юности
ключ этот
мы подарим.
Бери его,
сделай своей судьбой.

Инициация завершается началом взрослой жизни, в которой работать на заводе уже не обязательно, можно навсегда стать профессиональным писателем:

Ступая неловко,
Шагом
ухожу навсегда.
Пахнет новенькая спецовка
Ветром свободы,

огнем труда⁹¹.

В годы, когда формировалось его сознание, Бродский, при всех разнообразных культурных интересах, никак не относился к числу «юношей тепличных» и характерная для рафинированной интеллигенции бесконечная авторефлексия, пресловутая «оторванность от народа», снобизм остались ему чужды. Его отношение к простым людям не было ни излишне сентиментальным, ни тотально ироническим. Он во многих отношениях ощущал себя одним из них.